DOI: 10.17117/na.2016.01.03.374

<http://ucom.ru/doc/na.2016.01.03.374.pdf>

Поступила (Received): 27.01.2016

Бережная Е.П. Политическое Ю. Тынянова

Berezhnaya E.P.
Yu.Tynyanov's political

В статье особое внимание уделено ленинскому номеру журнала «ЛЕФ», вышедшему сразу после смерти вождя революции, и в частности статье Ю. Тынянова «Словарь Ленина-полемиста». Тынянов писал о «революции» ленинских речевых конструкций, предполагая уже свершившийся слом языка, связанный с идеей упрощения формы как эстетической доминанте времени.

Внеидеологичность Тынянова была откровенным средством эстетической манипуляции, позволявшим обходиться без наличествующего бытия как непременно факте социального и идеологического противления

Ключевые слова: В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, «биография», ленинский номер журнала «ЛЕФ», статья Тынянова «Словарь Ленина-полемиста»

Particular attention was given to Lenin's issue of the journal "LEF", published immediately after the death of the Revolution leader, and in particular in the Tynyanov's article "The Vocabulary of Lenin the Polemicist". Tynyanov wrote about the "revolution" of Lenin's speech structures, suggesting the already accomplished language destruction, associated with the idea of simplifying the form as the aesthetic time dominant. Tynyanov's not being inclined to any ideology was an obvious means of aesthetic manipulation, allowing to eliminate the available existence as indispensable fact of social and ideological resistance

Key words: Shklovsky, B. Eichenbaum, Yu. Tynyanov, "biography", Lenin's issue of "LEF" journal, Tynyanov's article "The Vocabulary of Lenin the Polemicist"

Бережная Екатерина Петровна

Кандидат филологических наук, научный сотрудник

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук

г. Новосибирск, ул. Восход, 15

Berezhnaya Ekaterina Petrovna

Candidate of Philological Sciences, Researcher State public scientific and technical library, Siberian branch of the Russian academy of Sciences
Novosibirsk, Voskhod st., 15

Драматическая коллизия между художником и властью, ставшая в русской культурной традиции ориентирующим фактором в понимании того, что собою представляет искусство и каковы его истинные задачи, в годы формирования советской государственности приобретает значение «абсолютной силы», способной влиять как на смену риторических правил, так и на выбранные формы поведения в социопространстве. Именно в это время проблема «биографии» и принципы ее включения в тотально идеологический контекст эпохи становятся экспериментальным полем для теорий и практик формалистского происхождения.

Отвечавший за формализм «перед литературной наукой» Борис Эйхенбаум писал в 1927 году: «Внимание исследователей литературы и критиков

было в последние годы направлено, главным образом, на вопросы литературной "технологии" и на уяснение специфических особенностей литературной эволюции – внутренней диалектики стилей и жанров. Это было естественным следствием пережитого нами литературного подъема, закончившегося литературной революцией (символизм и футуризм). Подъем этот и закреплён огромной теоретической литературой, появившейся в течение последних 15 лет. <...> Современное положение нашей литературы ставит новые вопросы и выдвигает новые факты. Литературная эволюция, еще недавно так резко выступавшая в динамике форм и стилей, как бы прервалась, остановилась. <...> Вместе с тем, вопросы технологии явно уступили место другим, в центре которых стоит проблема самой литературной профессии, самого *"дела литературы"*. Вопрос о том, "как писать", сменился или, по крайней мере, осложнился другим – *"как быть писателем"*. Иначе говоря, проблема литературы, как таковой, заслонилась проблемой писателя» [36, с.50-51 (здесь и далее все шрифтовые выделения принадлежат авторам цитируемых текстов)]. Для восприимчивого к социальным и политическим изменениям Эйхенбаума «проблема писателя» должна была стать составной частью предполагаемой в напрочь изменившемся мире трансформации искусства. «Женственная пассивность» его натуры (см. письмо В.Жирмунского Виктору Шкловскому от 6.IX.70 [13, с.319]) была источником создания куликовских проектов, нашедших воплощение как в сложном выборе научной ориентации, так и в лично-дружеских взаимосвязях, имевших свою внутреннюю драматическую сторону. Возможно, эта же «пассивность» обусловила в годы становления советской апологетики непродуманную позицию адаптируемого к внешним условиям ученого-гуманитария.

За неувязностью эйхенбаумовских исканий аритмично следует наиболее цельный и последовательный среди формалистов Ю. Тынянов. Его статья «О литературной эволюции» (1927) с опережающим взглядом на теорию и практику литературного исследования соотносима с «Литературным бытом» Эйхенбаума по принципу перекрестной рифмы. Предлагаемая Эйхенбаумом трактовка «быта», кроме интереса к лежащим вне литературы факторам и необходимости выйти к социальному контексту, имела ту высокую степень заряженности постулатами официальной идеологии, присутствие которой могло быть спровоцировано «внутренней формой» данного понятия [см.: 6, с.305-325]. Принадлежности эпохе соответствовало здесь предпочтительное и бесспорное внимание к *подлинной жизни* в противоположность логократическим установкам раннего ОПОЯЗа.

Тыняновский взгляд на литературный процесс целиком исключал выход на «чужие» территории: будь то политика, «биография» или какие-либо еще внеположные литературе явления. Эти и другие категории могли наличествовать, будучи увиденными «сквозь литературу». (Ср. из письма Тынянова Шкловскому (1929): «Когда я сидел с Эренбургом, я ясно видел: человек второго сорта, и все делает второсортным. Когда говоришь с тобой, все первого сорта. Это вовсе не любовь к тебе, а только литературный факт» [Цит. по: 18, с.354]). Литературная эволюция (подобно исторической революции) возможна при условии

взаимозамены между «центром» и «периферией», осуществленной в неидеологическом поле искусства. При этом «главным понятием литературной эволюции оказывается *смена систем*», т.е. «изменение функций и формальных элементов», находящихся в системе литературы членов [22, с.278, 281]. Обращенная на себя тыняновская теория литературного развития позволяла такую маловразумительную категорию как «быт» внести в число ее опосредующих звеньев. (Ср.: «*Быт соотнесен с литературой прежде всего своей речевой стороной*. Такова же соотнесенность литературных рядов с бытом. Эта соотнесенность литературного ряда с бытовым совершается по *речевой* линии, у литературы по отношению к быту есть *речевая функция*» [Там же, с.278]).

В то время как для Эйхенбаума литература несамодостаточна и способна выполнять лишь «надстроечную» функцию, «идеальное государство» Тынянова, которое он создавал, опираясь на искусство *слова*, не нуждалось в привлечении рекрутов извне. Внеидеологичность Тынянова (ср. из письма Р.А. Ковнатор В. Каверину: «Однажды Горбачев грубо сказал, что его "уход" в исторические романы – "бегство от действительности". Когда он ушел, Юрий Николаевич был бледен и взволнован (я до этого его никогда таким не видала» [Цит. по: 18, с.356]; в воспоминаниях Льва Зильбера описана общестуденческая сходка, в которой принимал участие и Тынянов. За участие в сходке Тынянов вместе с другими студентами был исключен из университета. «Дело о восстановлении исключенных студентов затянулось, их восстановили через месяц-полтора. Тынянов к своему исключению отнесся равнодушно. Он работал в библиотеках и спокойно ждал, чем все кончится» [7, с.84, 86]; в тщательно документированных работах Сальман М.Г. и Сухих И.Н., посвященных Тынянову студенческой поры, нет места для политики [17, с.45-54; 15, с.456-465]) была откровенным средством эстетической манипуляции, позволявшим обходиться без наличествующего бытия как неопровержимом факте социального и идеологического противления. (Ср. из письма Эйхенбаума к Шкловскому от 7 мая 1929 г.: «положение его, и личное и историческое, очень серьезное. Но ведь он гениальный дипломат, и позиция его сейчас остроумная. Он окружен уважением и даже страхом, как таинственная неожиданность (не говорю о зависти). О нем скоро будут ходить рассказы и легенды, а он сидит себе дома, в мещанской обстановке, с "пурпурными" картинками на стене, и плюет на современность. У него есть сила больного и гордого человека – сила Гейне, что ли. И он и ты – "литературные личности", но противоположно. А я стану литературной личностью на одре смерти – не раньше» [Цит. по: 30, с.128-129]). Складывающийся на протяжении нескольких лет интерес Тынянова к Гейне менее всего связан с «политической актуальностью» поэта в двадцатые годы. (Ср.: «Важнейший аспект темы "Тынянов-Гейне" – политическая актуальность Гейне в двадцатые годы, когда Тынянов начал его переводить. Порой кажется, будто Гейне писал свои сатиры специально для того, чтобы Тынянов мог, ничем не рискуя, позволить себе дерзкие политические выпады» [38, с.474]. О «политическом индифферентизме» Гейне Тынянов пишет в незаконченной монографии «Тютчев и Гейне» (1917-1920). Ср.: «С глубочайшим презрением Гейне относится не только к политическим приличиям, но и к самой политике; в краткой заметке о Витте фон Дёрринге он заявляет, что

на великие явления политической жизни следует смотреть с высоким поэтическим равнодушием, судить не как моралист и не как политик, а как разумный зритель в большом театре, где комедиантов хвалят и порицают не за их роль, а за их игру. <...> Здесь обнаружены главные предпосылки гейневской морали – эстетические» [29, с.359]].

Кроме очевидных биографических аллюзий, побуждающих к глубоко интимному знанию биографии немецкого поэта (ср. у В. Каверина: «Жизнь Гейне он знал так хорошо, как будто сам ее прожил. Гейневские шутки, оптимизм, его вещественность, никогда не оставлявшая его, беспощадность его полемики, душевная бодрость вопреки безнадежной болезни – все это характерно для Тынянова не меньше, чем для Гейне» [8, с.72]), Гейне для Тынянова – пример *самодовлеющего словесного искусства* [см.: 20], применительно к которому допустим лишь поэтический угол зрения. (Ср.: «Тынянов высоко ценил немецкую культуру, науку, хорошо знал немецкий язык. Он любил Шиллера, Гете, но в особенности Гейне, стихи которого переводил, в сущности, всю жизнь. <...> Над "Германией" он работал особенно долго, без конца шлифуя и улучшая каждую строчку перевода. Это был его отклик на развертывающуюся борьбу против фашизма» [16, с.236]. *Политическое* Тынянова имело формы эстетического сопротивления, оставаясь вовлеченным в те или иные механизмы сформированной в данной исторической реальности территории искусства.

Чуткий к эпохальным веяниям Виктор Шкловский доказывал преимущества компромиссного стиля в том, что касалось самых разных сфер общественной жизни: от политических реалий до научных и художественных практик. (Ср. из дневника Эйхенбаума от 1 февраля 1924 г.: «Витя обедал у нас с Вас[илисой] Георг[иевной]. Уговаривал меня написать статью о стиле Ленина – надо, говорит, принимать заказ, но сделать так, чтобы это входило в свою работу. Так горячо говорил, что я, кажется, попробую» [34, с.210]). Компромисс как норма жизнеповедения позволял Шкловскому быть свободным в несвободной стране (ср.: «"Памятник научной ошибке" – расквитался с формализмом, а сам остался формалистом (В.Ш. о себе)» [2, N 131]; в воспоминаниях Лидии Гинзбург есть запись: «В 1920-х годах на одном из диспутов Шкловский сказал своим оппонентам: "У вас армия и флот, а нас четыре человека. Так что же вы беспокоитесь?" В самом деле, беспокоились. Беспокоились хотевшие подчинить все области жизни – науку, искусство, нравственность – единой политической догме» [3, с.55]), и в особенности там и тогда, когда вследствие политики в литературе приводились к коллапсу самые смелые научные идеи. Примечательной рифмой к «Памятнику научной ошибке» (1930) может служить письмо Шкловского к заведующему отделом агитации и пропаганды А.И. Стецкому от 3 июля 1932 г.: «<...> Была группа формалистов, группа с очень большими ошибками и, как мне кажется, с достижениями технологического характера. Работы наши имели свою историю. Мы двигались. Путь от "Поэтики" к работе Юрия Тынянова "Архаисты и новаторы", моей книге "Матерьял и стиль "Войны и мира" показывает, что мы не схоласты и не приспособленцы. Приблизительно в 27-28 году работы наши, которые хорошо известны на Западе, прекратились. Сейчас по теории < и > истории литературы работаю я, но принужден работать главным образом в кино, а не по

своей специальности. <...> И вот существует новая русская литература. Кто о ней напишет. Где методы анализировать новое. Кадры людей разогнаны. <...> Люди лишены возможности расти, люди лишены времени думать. <...> Качество появляющихся работ по языкознанию, качество историко-литературных работ, количество знаний, которые в них вложены, чрезвычайно низко. <...> Я не утверждаю, что мои прежние работы правильны, более того, я знаю, что мы в них органически дошли до той линии, за которой мы должны были бы < пере > смотреть все свои утверждения. Но я утверждаю, что этот пересмотр мы должны были сделать с новыми товарищами и сделать сами. Мне очень хотелось бы увидеть Вас, чтобы поговорить о теории литературы, показать Вам книги, если они Вам неизвестны, рассказать о судьбе моих товарищей, рассказать, что их как научных работников уже скоро не будет. Вы не знаете Виктора Максимовича Жирмунского. Это был крепкий человек, а сейчас этот человек пьет. Потому что просто жить не стоит» [Цит по: 1, с.212-214]. Рассказывая о незавидной судьбе своих товарищей («Борис Томашевский, один из лучших русских текстологов, автор целого ряда теоретических книг, исследователь русского стиха, преподает сейчас высшую математику в одном из ВУЗ'ов. Борис Казанский, знаток античной литературы <...> сейчас научный секретарь Оптического Института. <...> Евгений Поливанов, человек с большими ошибками, но в то же время один из образованнейших людей мира, знающий 36 языков, <...> он, после неудачной полемики с Марром, живет где-то в Самарканде, ведет полезное дело создания грамматики узбекского языка, это тоже не дело его масштаба» [Там же, с.213]), Шкловский вспоминает Якобсона в положительно-противоположном контексте по отношению к советскому режиму: «Роман Якобсон живет за границей с советским паспортом, знаменит, выступает на конгрессах в Женеве, сейчас поехал в Голландию, занимается он социологией языка, у нас не печатается» [Там же, с.213]. Проблема свободы и реализации художника оказывается здесь в тесной взаимосвязи с существующей политической доктриной. Эта связь породила особый, «переписывающий» сам себя дискурс (ср.: «Советская цивилизация переосмыслила практику переписывания. Новая власть, охваченная зудом творчества с чистого листа, принялась переписывать российскую и мировую историю, события, сюжеты, биографии. <...> Переписывание собственного текста (в том числе биографии) в свете очередных директив – типичная практика советской литературы» [10, с.177, 178]), находя в стагнирующей идеологии надежное средство для оправдания. (Ср.: «<...> Якобсон будет до конца жизни презирать бывшего друга, руководствуясь принципами свободного мира и не делая скидок на обстоятельства места. Обстоятельства были таковы, что Шкловский с его готовностью переписать выстраданную науку согласно конъюнктуре даже не догадывался о требуемом уровне лояльности – о том, что вообще нужно будет сделать писателю-попутчику, чтобы остаться в живых» [10, с.182]).

Совсем иные формы взаимодействия «творческой свободы» и «необходимости» предлагал Тынянов в 15, заключительной, главке своей статьи о Хлебникове: «Ни в какие школы, ни в какие течения не нужно зачислять этого человека. Поэзия его так же неповторима, как поэзия любого поэта. И учиться на нем можно, только проследив пути его развития, его отправные точки, изучив его

методы. Потому что в этих методах – мораль нового поэта. Это мораль внимания и небоязни, внимания к “случайному” (а на деле – характерному и настоящему), подавленному риторикой и слепой привычкой, небоязни поэтического честного слова, которое идет на бумагу без литературной “тары”, небоязни слова необходимого и не заменимого другим, „не побирающегося у соседей”, как говорил Вяземский. А если слово это детское, если иногда самое банальное слово честнее всего? Но это и есть смелость Хлебникова – его свобода. Все без исключения литературные школы нашего времени живут запрещениями: этого нельзя, того нельзя, это банально, то смешно. Хлебников же существовал поэтической свободой, которая была в каждом данном случае необходимостью» [24, с.30]. Статья хороша утверждением права на несходство и различие как нового методологического принципа, и неслучайно Шкловский выступил против с соответствующими тезисами-отповедями. «Отделение Хлебникова от футуризма – теоретически реакционная работа, она минус для Хлебникова, так как она работа типовая, именно так всегда делают классиков и именно так стремятся окончить литературную группировку. <...> Отрицание литературных коллективов, литературной групповой работы, выделение одного себя, под чьим бы протекторатом оно ни происходило, – это повторение старой песни о классике. Очень жалко, что вещи гениального писателя Хлебникова вышли под этим знаком выделения и очень симптоматично, что превосходно мыслящий Тынянов в своей работе над современностью сделал обратное тому, что он делает в работе над историей» [33, с.45, 46]. Подобная апологетирующая превосходство коллективного труда риторика характерна для нарождающейся советской литературы, и Шкловский в конце 1920-х годов поспешно (как это делал он не раз) стремится подтвердить верность декларируемым ею принципам. (В воспоминаниях Лидии Гинзбург встречается запись: «Мне попался свод любопытного материала о работе Мандельштама в конце двадцатых годов в “Московском комсомольце” (внутренние рецензии, ответы авторам). Не знаю, пишет ли он по конкретным поводам то, что действительно думает, но он действительно радуется приобщению, “Труду со всеми сообща / И заодно с правопорядком”» [5, с.223]). Были разные («порожденные другими контактами с той же действительностью» [5, с.221]) способы подтвердить свою лояльность по отношению к новой власти. Мандельштам, хотя и рад был «приобщиться», в стихах «не допускал уступок, поэзия у него была крепко ограждена» [Там же, с.222]. «Некоторые стремились сказать не максимум, а минимум того, что побуждало сказать тождество мнений» [Там же, с.228]. В существующем раболепии мысль Тынянова о доминирующей роли искусства может считаться сдерживающим фактором надвигающейся катастрофы, связанной со сломом «слова сокровенного», приводящего к упрощению и снижению «культурного качества», в пользу насаждаемого как эталон «всеобщего языка» эпохи. (Ср. из дневника Гинзбург: «В разговоре с Чуковским для меня, кажется, впервые вполне уяснилось, что между самой верхней и самой нижней культурой установилось правильное обратно пропорциональное отношение. <...> Нельзя было бесследным для культуры образом подвергнуть первоначальной культурной обработке всю эту массу новых людей. Культура ослабела наверху, потому что массы оттянули к себе ее соки. Я

вовсе не думаю, что нужно и социально полезно упрощаться; я думаю, что снижение культурного качества – не вина правительства и не ошибка интеллигенции, что снижение качества на данном отрезке времени – закономерность. В данный момент я и люди, которых я обучаю на рабфаке, любопытным образом уравновешены. То, что они учатся и вообще чувствуют себя полноценными людьми, соотнесено с тем, что у меня отнята какая-то часть моей жизненной применимости; то, что они читают "Обломова" <...> соотнесено с тем, что я не могу напечатать статью о Прусте» [4, с.87-88]]. И Шкловский, и Эйхенбаум, предпочтя науке «биографию» [см.: 9], оказались вовлечены в исторический слом, когда выход «из своего сохраненного слова» (Л. Гинзбург) требовал жертвы неизмеримо большего масштаба. Ничто никому не прошло даром.

С ОПОЯЗом связаны два эпизода, когда в высказывании формалистов нуждались не абстрактные материи, а реальные исторические лица, бывшие к тому же их современниками. Речь идет о двух примечательных сборниках, один из которых посвящен Александру Блоку и стал откликом на его смерть [см.: 12], а второй – «ленинский» номер журнала «ЛЕФ», вышедший сразу после смерти вождя революции. Выход ленинского тома был замечен в эмигрантской среде. Соотечественники и соратники по науке к предполагаемой публикации отнеслись с нескрываемым восторгом. (Ср., например, приветственный текст Осипа Брика ОПОЯЗу: «Товарищи опоязовцы! Эйхенбаум, Тынянов, Томашевский, Якубинский! ЛЕФ потрясен известием, что Вы готовите 4 статьи о Ленине, и умоляет вас выслать их в к р а т ч а й ш и й срок для напечатанья в своем 5-ом номере» [Цит. по: 11, с.13]). Реакция ЛЕФа объяснима и понятна, т.к. «верить революции широко и безраздельно» для участников объединения было стойким жизненным убеждением. Благоприятным условием для сотрудничества стали личные связи формалистов с левовцами («прошлыми футуристами»). В редакции журнала «Леф» «постоянно бывали» Р. Якобсон и Г. Винокур, «реже» – Ю. Тынянов [см.: 32, с.442].

В выпусках сборников ОПОЯЗ осуществил «на деле подлинный тип коллективной работы» [37, с.407], и значение этого факта для построения научной истории литературы огромно. (Ср. у Шкловского: «Мне сейчас кажется, что многие статьи тогдашнего "Лефа" <...> интересно было бы переиздать, так как след в мировой лингвистике они оставили большой, колея пробита была по целине» [32, с.445]).

Исследователь истории русского формализма А. Галушкин считает, что коллективное выступление формалистов со статьями о языке и стиле Ленина призвано было «разрядить ситуацию», создавшуюся после выхода в газете «Правда» (1923) статьи Л.Д. Троцкого «Формальная школа поэзии и марксизм» [см.: 1, с.210]. Компромиссное решение Шкловского «принять заказ», но так, «чтобы это входило в свою работу», имело свой положительный результат. (Ср. из письма Шкловского Тынянову и Эйхенбауму от 22 октября 1924 г.: «Каменев говорил с Маяковским о наших ленинских статьях и выражал удивление, каким образом Эйхенбаум и Тынянов, не зная Ленина, так поняли его личность. Он говорил, что все написанное изумительно совпадает с живым Лениным. Это при-

ятно вне всяких соображений» [Цит. по: 1, с.211]). Было бы преувеличением говорить о статье Троцкого как о первой попытке объявить войну формализму со стороны официальной идеологии. Первый же тезис Троцкого о том, что единственной теорией, которая противопоставила себя марксизму, является формальная теория искусства, и что формализм «противопоставляет себя марксизму теоретически» [см.: 19, с.130], приглашал к дискуссионному общению на равных позициях (в дискуссию вступил Эйхенбаум. Ср. запись в его дневнике от 18 марта 1924 года: «Статью о Ленине окончательно отделал – разбил на главы и т.д. Показывал ее Вите – он похвалил. <...> Очень интересно, как отнесется к главе о Троцком "Печать и революция". Как никак, эта статья должна быть некоторым событием» [34, с.216]), и не случайно в процитированном письме Шкловского появился следующий пассаж: «Бухарин имел на похоронах Брюсова разговор с Абр. Эфросом. Сей недостоверный жид передавал, что разговор шел о форм. методе. Бухарин говорил: мы (марк <систы>) или они (форм <алисты>) представляем сейчас Россию. Эфрос предложил тут же синтез» [Цит. по: 1, с.210-211]. Скандальный жест Шкловского: «Я поднимаю руку и сдаюсь», завершавший берлинскую книгу «ZOO, или Письма не о любви» (1923), капитуляции еще не означал, а был своеобразным ответом на появившуюся возможность вернуться в Россию.

Статьи, составившие ленинский номер журнала «ЛЕФ», как нельзя лучше выражают формалистскую любовь к *поэтике*, т.е. описанию «приемов» литературного письма без сопутствующих ему социальных и политических реалий: «Конструкция тезисов» Б. Томашевского, «Основные стилевые тенденции в речи Ленина» Б. Эйхенбаума, «Ленин как деканонизатор» В. Шкловского, «О снижении высокого стиля у Ленина» Л. Якубинского, «Речь Ленина. Опыт риторического анализа» Б. Казанского, «Словарь Ленина-полемиста» Ю. Тынянова. (Формальный взгляд на искусство, исключаяющий внешне чуждые искусству явления, зафиксирован в дневнике Эйхенбаума во время подготовки «ленинской» статьи. Ср. запись от 15 марта 1924 года: «Вчера вечером попал в симфонический концерт (Оскар Фрид) и с большим наслаждением прослушал 6-ю и 8-ю симфонии Бетховена и скрипичный концерт (Блиндер). Бегали по телу мурашки и мускулы помолодели. Пришел домой совсем бодрый, освеженный – и сегодня все напеваю мотивы 8-ой сим[фонии]. Под это пение сел писать статью о стиле Ленина – и пошло гораздо лучше. Надо чаще ходить в концерты» [34, с.215]; запись от 17 марта этого же года: «Кончил статью о стиле Ленина. Бетховен помог – хоть ставь эпиграфом VIII симфонию» [Там же, с.215]). Дневники Эйхенбаума имеют, безусловно, самостоятельную ценность. Они не только реставрируют предшествующие и описывают настоящие события. В творческом наследии ученого они стали промежуточным звеном, подготовившим переход от самостийных научных исследований в сторону «биографии».

В отличие от Эйхенбаума, Тынянов ни в каком посредничестве не нуждался. Его связь с миром проходила от постигнутого во множестве оттенков «слова» в сторону неявно выраженных эквивалентов. Это движение определяет главную теоретико-литературную книгу Тынянова «Проблема стихотворного языка» (1924), в которой понятие эквивалента текста получает легитимный

статус: «Перед нами неизвестный текст (неизвестность которого, однако же, несколько ограничена, полуоткрыта), а роль неизвестного текста (*любого* в семантическом отношении), внедренного в непрерывную конструкцию стиха, неизмеримо сильнее роли определенного текста: момент такой частичной неизвестности заполняется как бы максимальным напряжением недостающих элементов – данных в потенции – и сильнее всего динамизирует развивающуюся форму. <...> Форма есть непрерывная установка различных эквивалентов, повышающая динамизм. При этом *материал* может измениться до *минимума*, *нужного для знака конструктивного принципа*» [26, с.46-47; 50-51]. В эквивалентовку текста могут быть вовлечены как визуально дифференцированные элементы (и они «несут известные словесные функции»; об использовании графики как «элементе выражения в словесном искусстве» см., например, в статье «Иллюстрации» (1923): «Поэзия оперирует не только и не собственно *словом*, но *выражением*. В понятие выражения входят все *эквиваленты* слова: такими эквивалентами слова могут быть пропуски текста (вспомним громадную роль пропусков строк в "Евгении Онегине"), может быть и графика. Таким эквивалентом слова будет бутылка у Рабле, рисунок ломаной линии у Стерна, название главы в "Бароне Мюнхгаузене" Иммермана. Роль их – особая, но исключительно в плане слова; они эквиваленты слова в том смысле, что, окруженные словесными массами, они сами несут известные словесные функции (являясь как бы графическими "словами")» [21, с.316]), так и бывшие в потенциальном состоянии, не различимые вербально, внесловесные формы. Одной из потенциальных реальностей, высвобождаемой «из-под схематического и неподвижного слова» [28, с.110], является преобладающее значение интонации над всеми его уровнями: «Каждое *новое* явление в поэзии сказывается прежде всего *новизной интонации*. <...> Когда интонации стареют и перестают замечаться, слабее замечаются и самые стихи» [27, с.179]. Ценность *слова* представляется Тынянову проблематичной. Его статья «Словарь Ленина-полемиста» (продолжение «Проблемы»), маскируя претензии «слова» на всеохватность, акцентирует те особые случаи, при которых происходит «вышелушивание» значения *отдельного* слова. Такое слово теряет свой основной признак, приближая состояние, когда миром правят лишь «слова, слова, слова». Слово «совершенно отвыкается от конкретности, но в нем остается клубок ассоциаций, очень эмоциональный, хотя и спутанный, чем больше захватано такое слово, тем больше в нем эмоциональных оттенков, – помимо конкретного значения. Так рождается речь, построенная на "фразе": "слова, слова, слова"» [28, с.92]. (Ср. из письма Эйхенбаума Шкловскому от 5 августа 1957 г.: «Витенька! Письмо твое ("фестивальное") получил, но не все понял – отчасти из-за почерка (опять стал хуже), отчасти по существу, – например, по поводу сборника статей о субъективном идеализме. Почему он так сильно взволновал тебя? Я его не видал и не читал, но ведь, наверно, там больше слов, чем мыслей? "Слова, слова, слова..." Ты прав – все дело в том, чтобы уметь преодолеть этот дивный дар богов. Как был прав Тютчев, когда сказал: "Мысль **изреченная** есть ложь!" Надо только правильно понять эти слова (тоже "слова"!), т.е. поставить главное смысловое ударение на слове "изреченная" ...» [35, с.163]).

Статья, посвященная «словарю Ленина-оратора и политического писателя» [28, с.82], далеко выходила за рамки предложенной темы. Тынянов писал о «революции» ленинских речевых конструкций, предполагая уже свершившийся слом языка, связанный с идеей упрощения формы как эстетической доминанте времени. «Ленинская» статья может считаться неким рубежом, за которым интерес к структурам, где засилье «слова» сведено к нулю, возрастает несравненно.

Со второй половины 1920-х годов Тынянов охотно начинает работать в кино, в котором не осталось ровно ничего прямо относящегося к ближайшим видам искусства. «Кино медленно освобождалось от плена соседних искусств – от живописи, театра. Теперь оно должно освободиться от литературы» [23, с.323]. Кроме того, по отношению к слову здесь необходима хоть какая-то запретительная функция. «Если кино наполнить словами, – получится хаос слов, и только» [25, с.328]. Рассказывая о приеме «короткого наплыва» («прием "короткого наплыва" – когда в кадре "воспоминания" еще сквозит лицо вспоминающего – уничтожает уже внешнюю литературную мотивировку "воспоминания" как чередующегося во времени момента и переносит центр тяжести на *одновременность, симультанность* кадров» [25, с.334]), Тынянов замечает: «С удивлением мы констатируем, что адекватного слова в языке и литературе по отношению к наплыву – нет. Мы можем в каждом данном случае, в каждом данном применении – *описать* его словами, но подыскать ему адекватное слово или понятие в языке нельзя» [Там же, с.334]. Кино представляется таким видом искусства, где могут быть усилены какие-то дословесные интуиции, и где «побежденное» слово вновь уступает место ритму, звуку или композиции.

Известная фраза Корнея Чуковского «В России надо жить долго» применительно к Тынянову имеет особое дополнительное значение. В лице Тынянова в XX веке появился новый тип ученого, сам факт существования которого способен изменить мир к лучшему. (Ср. в связи с Тыняновым запись в дневнике Чуковского от 21 февраля 1925 г.: «Он сам очарователен: поднимает умственно нравственную атмосферу всюду, где появляется» [31, с.326]). Тынянов положил начало эстетическому противлению, не подверженному воздействию внешних по отношению к нему явлений. Все события имеют смысл в рамках преимущественного положения искусства.

В одном из последних писем Тынянова С.Б. Рудакову (1941) есть удивительные строки: «Дорогой Сергей Борисович! <...> Вспомнил, как работали над Кюхлей. Он – доказательство теперь того, что смерть (в том числе литературная) сильно преувеличена. Он начал жить. Давайте думать, что это не исключение <...> а правило. <...> Уверен в Вас! кто раз был в переделке и цел – тот будет цел» [Цит. по: 14, с.252].

Список используемых источников:

1. Галушкин А.Ю. Неудавшийся диалог: (Из истории взаимоотношений формальной школы и власти) // Шестые Тыняновские чтения. Москва, 1992. С. 210-217.
2. Галушкин А.Ю. Разговоры с Виктором Шкловским // Новое литературное обозрение. 2015. N 1(131).
3. Гинзбург Л.Я. Вспоминая Институт истории искусств... // Российский институт истории искусств в мемуарах. Санкт-Петербург, 2003. С. 55-65.

4. Гинзбург Л.Я. Записи 1920-1930-х годов // Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. СПб.: Искусство-СПб., 2011. С. 12-151.
5. Гинзбург Л.Я. И заодно с порядком... // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988. С. 218-231.
6. Зенкин С.Н. Открытие «быта» русскими формалистами // Зенкин С.Н. Работы о теории. Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 305-325.
7. Зильбер Л.А. Студенты (Из воспоминаний) // Природа. 1984. N 3. С.82-87.
8. Каверин В. Личность и характер // Каверин В. Письменный стол. Воспоминания и размышления. М.: Сов. писатель, 1985. С. 70-87.
9. Левченко Ян. Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 304 с.
10. Левченко Ян. Удел переписчика. Виктор Шкловский: советский писатель // Кризисы культуры и авторы на границе эпох в литературе и философии. Санкт-Петербург, 2013. С. 175-191.
11. Лотман Ю.М. Из истории изучения стиля Ленина // Труды по русской и славянской филологии. 1970. С. 11-13.
12. Об Александре Блоке. Пб.: Картонный домик, 1921. 337 с.
13. Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского. Публикация Н.А.Жирмунской и О.В.Эйхенбаум. Вступительная статья Е.А.Тоддеса. Примечания Н.А.Жирмунской и Е. А.Тоддеса // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988. С. 256-330.
14. Письмо Ю.Н. Тынянова С.Б. Рудакову (1941) // Philologica. 1998. Т. 5, N 11-13. С.252-253.
15. Сальман М.Г. Из студенческих лет Б.М.Эйхенбаума, Ю.Н.Тынянова и В.Б.Шкловского (По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Russian Literature. 2014. Т.76, N 4. С.447-509.
16. Степанов Н. Замыслы и планы // Воспоминания о Ю.Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983. С.231-248.
17. Сухих И.Н., Шубин Ф.В. «Так началась моя работа...» (Юрий Тынянов в Петербургском-Петроградском университете) // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. VI. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. С.45-54.
18. Тоддес Е.А. К текстологии и биографии Тынянова // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига-Москва, 1995-1996. С.338-368.
19. Троцкий Л.Д. Формальная школа поэзии и марксизм // Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. С.130-146.
20. Тынянов Ю.Н. Блок и Гейне // Об Александре Блоке. Пб.: Картонный домик, 1921. С.237-264.
21. Тынянов Ю.Н. Иллюстрации // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С.310-320.
22. Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С.270-282.
23. Тынянов Ю.Н. О сценарии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С.323-324.
24. Тынянов Ю. О Хлебникове // Собрание произведений Велимира Хлебникова. Т.1. Поэмы / под общ. ред. Ю.Тынянова и Н.Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928. С.9-30.
25. Тынянов Ю.Н. Об основах кино // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С.326-346.
26. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Сов. писатель, 1965. 301 с.
27. Тынянов Ю. Промежуток // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С.168-196.
28. Тынянов Ю. Словарь Ленина-полемиста // Леф. 1924. N 1. С.81-110.
29. Тынянов Ю.Н. Тютчев и Гейне // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С.350-395.
30. Чудакова М. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986. С.103-132.
31. Чуковский К. Дневник (1901-1929). М.: Сов. писатель, 1991. 544 с.
32. Шкловский В. О квартире «Лефа» // Шкловский В. Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. М.: Сов. писатель, 1966. С.440-460.
33. Шкловский В. Под разделительным знаком. Канонизаторы // Новый ЛЕФ. 1928. N 11. С.44-46.
34. Эйхенбаум Б.М. Дневник. 1924 г. / публ. и прим. А.С.Крюкова // Филологические записки. Воронеж, 1998. Вып.10. С.207-224.

35. Эйхенбаум Б. Из писем к В.Б.Шкловскому / публ. О.Б.Эйхенбаум, вступ. заметка и коммент. М.О.Чудаковой // Нева. 1987. N 5. С.156-165.
36. Эйхенбаум Б.М. Литературный быт // Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Словесность. Наука. Критика. Смесь. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. С.49-59.
37. Эйхенбаум Б.М. Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б.М. О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. С.375-408.
38. Эткинд Е. «Веселый пример Гейне»: Гейне-Тынянов-Маяковский // Revue des Etudes Slaves. Paris. 1983. V. 55. N 3. P.457-481.

© 2016, Бережная Е.П.
Политическое Ю. Тынянова

© 2016, Berezhnaya E.P.
Yu. Tynianov's political